

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

ВАСИЛИЙ ВАНЧУГОВ

*Доктор философских наук, профессор кафедры истории
русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
участник проекта Русская Idea (www.politconservatism.ru)*

Крым сегодня не только обозначение территории, но и неременная «фигура речи» актуальной политики, где еще не все смирились с фактом его воссоединения с Россией. Как полуостров он имеет отношение к географии, как полемическая «фигура речи» — отражает ситуацию в геополитике. Но в свете последних событий значение Крыма проявляется еще и в контексте особого рода. Необходимо рассмотреть Крым сквозь призму историософии (философии истории), где принимаются в расчет и метафизические основания.

Контуры пространства, запечатлеваемые на картах, меняются в зависимости от политических или религиозных точек зрения. Последняя формирует сакральную географию. Так принятие христианства не только определяет контуры нашей сакральной географии, но и объясняет последующие метаморфозы политической карты. Каждая из мировых религий дает свое представление о земном пространстве, опираясь на почитание священного, соотнося те или иные объекты на культурном ландшафте с категориями священного, а возникающие со временем «святые места» и есть основные элементы сакральной географии. В силу этого географические объекты получают статус священных, и среди них — Крым, имеющий зна-

чение историческое — крещение князя Владимира на земле Византийской империи, Херсонесе, и мистическое — отсюда пошел свет веры Христовой во все пределы, вплоть до Новгорода, куда прибыл — через Киев — Иоаким Корсунянин и «требища разори, и Перуна посече». Однако восприятие Крыма в контексте сакральной географии имело свои особенности.

В конце 1782 года, оценивая все преимущества присоединения Крыма, Потемкин излагает свое мнение в письме Екатерине II в терминах реальной политики: «Крым положением своим разрывает наши границы... Положите ж теперь, что Крым Ваш, и что нету уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат

ГОВОРЯ СЕГОДНЯ О КРЫМЕ, МЫ ЛИШЬ ПРОДОЛЖАЕМ ДАВНИЙ РАЗГОВОР О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ

с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других... Вы обязаны возвысить славу России...». Последовавший вскоре Манифест о присоединении Крыма (1783) также прагматичен, политичен и не упоминает о религиозном значении места, о крещении тут князя Владимира. Вскоре на карте появятся города с греческими корнями в названии (Севастополь, Евпатория), а последовавший «таврический вояж» проявит мифологическое, даже языческое представление собственных геополитических предпочтений.

Геополитика – наука о контроле над территорией, о закономерностях распределения и перераспределения сфер влияния (центров силы) различных государств и межгосударственных объединений. Традиционная геополитика делает акцент на военно-политическую мощь государства и доминирующую роль географических факторов в освоении новых территорий. Геополитика возникла в конце XIX — начале XX века, ее историческим выступает география, а исследование механизмов и форм контроля над территорией является одной из основных задач.

Целью того вояжа 1787 года была инспекция Новороссии, новой земли, присоединенной к России и переданной под управление Потемкина. Последний, сооружая «Екатерининский путь», предписывал строителям, среди прочего, чтобы дорогу от Кизикермана до Перекопа «сделать богатою рукою, чтобы не уступала римским», а ворота, установленные перед Херсоном, представлялись как въезд в Византию. Граф де Людольф, бывший в свите императрицы во время ее путешествия, отметил, что «при раскопках в развалинах Херсонеса найдено множество монет Александра Великого, некоторых римских императоров и Владимира I, явившегося сюда в 988 году, чтобы креститься»¹. А вот путевая заметка Екатерины: «Жаль, что не тут построен Петербург, — заметила она, вспоминая Севастополь, — ибо, проезжая сии места, воображаются времена Владимира I, в кои много было обитателей в здешних странах»². Екатерининский

Крым — политический проект, описываемый образами языческой мифологии. Она менее всего мыслила себя наследницей равноапостольного князя Владимира, и в ее сообщениях преобладала мифологическая проекция полуострова, края античных героев.

Незадолго до своего путешествия на юг России Екатерина II писала принцу де Линю: «Я повезу своих спутников в страну, которую, говорят, обитала некогда Ифигения. Одно название этой страны оживляет воображение, и поэтому нет такого рода измышлений, которые не распускались бы по поводу моего путешествия и пребывания в Тавриде»³. По пути был Киев, где императрица посетила митрополита Самуила в келье, который, согласно свидетельству Е. Ф. Комаровского, сказал ей речь и уподобил ее Христу, явившемуся после Воскресения ученикам. Но эта фигура речи была совершенно чужда императрице, гораздо ближе ей был Вольтер, сравнивавший ее с царицей

¹ Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Март. С. 157.

² Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря Императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 30.

³ Екатерина II. Письмо принцу де Линю // Сб. Имп. Рус. ист. о-ва. Вып. 12. СПб., 1880. С. 378–379.

амазонок Фалестрой⁴, поэтому неудивительно, что Потемкин приказал к высочайшему приезду в Крым создать из гречанок «амазонскую роту». Екатерина II имела неофициальный титул «Минерва на троне», коронационные дни которой в первопрестольной (1763) украсило карнавальное шествие «Торжествующая Минерва», где российскую императрицу отождествили с богиней римской мифологии. И Крым, античная Таврия, ставшая частью Российской империи, воспринималась в мифологической проекции, и та же дохристианская античность влияла на проектирование новых городов.

Конечно же не следует видеть в «греческом проекте» манифестацию исключительно языческого воззрения, поскольку Екатериной предполагалось создание Византийской державы. Однако при заявленных христианских целях внешней политики Екатерина воспринимала Крым в контексте языческой сакральной географии. В любом случае, этот полуостров отныне обозначался как наш форпост не только на административной и военной карте, но и на воображаемом атласе сакральной географии.

В 1824 году, вместе с баронессой Криденер, отправилась из Петербурга в Крым и княгиня Голицына, чтобы принять участие в основании колонии «трудолюбивых пиетистов». Набрав до сотни человек, преимущественно немцев и греков, они поплыли на барке по Волге и Дону в Крым для распространения своеобразно понимаемого христианского учения. Обилие на полуострове ревнителей универсального христианства приведет к мысли обозначить место начала крещения российского народа. В 1825 году адмирал Грейг вручил в Севастополе Александру I докладную записку о необходимости соорудить в Херсонесе небольшую «изящной архитектуры церковь», посвященную крещению князя Владимира, с созданием при ней богадельни для «дряхлах и неимущих», которые, прославляя имя Божие, осуществляли бы надзор как за храмом, так и за развалинами. Но инициатива исходила не от адмирала, лишь формально подавшего бумагу — за его спиной находился круг людей, включая соплеменников, шотландцев. Среди них были представители Британского и Иностранного Библейского Общества Патерсон и Пинкертон,

⁴ Тема «Вольтер — Екатерина — Крым» в главе V книги Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» — «Обращаясь к Восточной Европе. Часть I: Россия в сочинениях Вольтера».

стараниями которых Россия вскоре покроется сетью библейских обществ, включая и Крым. Это общество, формально занятое переводами книг Писания, выступало еще повсюду инициатором разного рода душеполезных мероприятий, и очень удачным могло быть извлечение из забвения места начала веры российской. Однако при всем благом начинании это был всего лишь проект «мемориала», созвучный духу религиозной экзальтации Александра I, поддерживаемой его другом А. Н. Голицыным, обер-прокурором Синода и министром народного просвещения, а также главой Российского библейского общества.

Однако воплощение в жизнь мемориального проекта шло медленно. В ноябре 1849 года владыка Иннокентий (Борисов) в «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским», поданной в Синод, снова отметил значение легендарного Херсонеса, основанного за пятьсот

**КОНТУРЫ КРЫМА
ОТЧЕТЛИВО ВИДНЫ
НА КАРТЕ НЕ ТОЛЬКО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ, НО
И САКРАЛЬНОЙ, КОТОРАЯ
ДЛЯ ВЕРУЮЩЕЙ ЧАСТИ
ОБЩЕСТВА БОЛЕЕ
ЗНАЧИМА**

лет до Рождества Христова греками. Но закладка храма состоялась лишь 23 августа 1861 года, а прежде этого почитание св. Владимира, по воле императора, переместилось из Херсонеса в Севастополь, поскольку побывавший здесь в 1843 году Николай I решил передать половину от собранных средств на строительство в центре города Свято-Владимирского храма.⁵ Но при смещении места

почитания (из Херсонеса в Севастополь), при закладке храма (15 июля 1854 года) владыка Иннокентий показал значение Крыма и с точки зрения сакральной географии, что обрело особое звучание в геополитическом контексте. Он отметил, что основание храма является событием не только местным, но и всероссийским, поскольку оно происходит хоть и не в Херсонесе, а близ града сего, но «в память крещения и просвещения верою Христовою» князя Владимира, что равносильно почитанию памяти «обращения в христианство земли Русской», поскольку в лице князя «крестилась здесь и просветилась верою, можно сказать вся Россия». Также архиепископ отметил, что в условиях войны закладка храма получает еще большее значение.

Говоря сегодня о Крыме, мы лишь продолжаем давний разговор о том, что есть Россия. Как я уже заметил, новый всплеск дискуссий обусло-

⁵ Мысль о церкви в Херсонесе возродилась только после Крымской кампании, и в 1861 году Александр II и члены Августейшей фамилии заложили в основание херсонесского собора, «предположенного, — как писал архиепископ Иннокентий, — к постройке от лица всей России в память крещения Владимирова», тридцать золотых червонцев.

«Кто не знает, что у врагов наших одно из самых задушевных желаний теперь состоит в том, чтобы каким бы то ни было образом отторгнуть здешнюю страну от состава России? Это было бы, по собственному признанию их, верхом их успеха против нас. А мы — в это самое время, — как бы в ответ на их безумную дерзость — полагаем ныне здесь основание храму во имя Святого Владимира! Сим самым, сильнее и внятнее всяких слов, мы говорим врагам нашим как бы так: Непростительно грубо ошибаетесь Вы, воображая, что полуостров Тавригеский составляет для России только недавнюю добычу меча и плод побед. Нет, — это древнее родовое достояние наше, это наследие еще Святого Владимира! Здесь купель нашего крещения; здесь нагало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту кому бы то ни было, знагло бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти Святого Владимира. Возможно ли это? Скорее не останется во всех горах здешних камня на камне, нежели Луна заступит здесь место Креста Христова! Такова, говорю, сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим! И надо же было им вгера явиться в таком множестве пред лицом сего града, как бы нарочно для присутствия при заложении сего храма и заслушания урока, в нем заключающегося! Ослепленные ненавистью к велигию и славе России, они не поймут теперь сего урока, но он не потеряет через то своей силы и пронесется по всей земле Русской; услышится и за пределами ее, и напомнит о забытой истине даже тем, кои хотели бы сокрыть ее навсегда в неправде своих мудрований».

Речь, произнесенная высокопреосвященным Иннокентием архиепископам херсонским и тавригеским, 15 июля 1854 года, при заложении в городе Севастополя храма во имя святого и равноапостольного князя Владимира

вило перемещение Крыма в особое пространство сакральной географии. Но следует напомнить, что это произошло еще в Крымскую войну, войну между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. В наше время многие находят основания говорить, что вновь состоялось столкновение, хотя и без кровопролития, между Россией и Новым и Старым Светом. Напомню, что поводом к началу войны тогда стал конфликт вокруг святых мест в Палестине, и сегодня, когда речь заходит о Крыме, эту часть земли представляют не только в контексте геополитики, но и повествуют о ней в терминах сакральной географии. Другими словами, контуры Крыма отчетливо видны на карте не только политической, но и сакральной, которая для верующей части общества более значима.

После краткого экскурса в прошлое мы видим, что в Послании 2014 года лишь закрепляется то, что уже было заявлено ранее и прошло проверку временем. Очередная «битва за Крым» (геополитика) совершенно естественным образом пере-

вела дискуссию в сферу истолкования проблемы в терминах сакральной географии. В широком смысле сакральное — это все, что имеет отношение к божественному, религиозному, небесному, потустороннему, иррациональному, мистическому, отличающееся от обыденных вещей, понятий, явлений. Так что помимо «мирской» географии, есть и сакральная, о которой много написано, в том числе и в англоязычной литературе.⁶ Сакральная география — всего лишь еще один — символический, эмблематический «слой» — на земную поверхность, придающий ей высшие смыслы, согласно представлениям проживающего здесь сообщества.

Геополитическое и сакральное бывает неотделимым в одном выступлении, например, в речи императора. Ведь после помазания на царство — обряда, в котором вступающий на трон помазывается с целью преподания ему даров Святого

---

⁶ Отметим лишь появление диссертации Robey Molly «Sacred geographies: Religion, race, and the Holy Land in U.S. literature, 1819-1920» (Rice University, 2009), оставив в стороне монографию и статью на тему «American Sacred Space».

Духа, нужных для управления страной, он становится не только соучастником политического, но и сопричастным сакральному. И здесь я хотел бы обратить внимание на специфическую связь религии и политики в США, что многим дает основания говорить о ней как об отличительной черте этого общества. Президенты, обращаясь к нации, используют религиозную лексику, разговаривают с гражданами как с «избранным народом», предназначенным Провидением нести всему миру свободу, и параллели с ветхозаветной историей — излюбленные образы политиков не только прошлого, но и настоящего. Когда-то их предки ушли от неволи Старого Света, обрели свободу на новой земле. Тем не менее Новому Свету не дает покоя Россия, которую они описывают также в религиозном дискурсе («империя Зла», «царство тьмы») и готовы на самые радикальные меры, что видно хотя бы по заявлению Хантингтона, которое процитировал и Бжезинский: «В мире, где не будет главенства Соединенных Штатов, будет больше насилия и беспорядка и меньше демократии и экономического роста, чем в мире, где Соединенные Штаты продолжают больше влиять на решение глобальных вопросов, чем какая-либо другая страна».⁷

Американские президенты часто выступают в роли своеобразных служителей государственного культа «свободы и демократии». С особенной силой религиозность в политике проявилась при

Рональде Рейгане, в речах и обращениях которого присутствовала прямая апелляция к христианству. Идеология «американской исключительности», согласно которой США занимают особое место среди других народов с точки зрения своего «национального духа», религиозных организаций и политических институтов, — не момент истории, а установка сознания настоящего времени, согласно которой другие страны исключены из всемирной истории, если они не следуют американским ценностям. Впрочем, другие народы имеют право думать иначе. Мы также занимаем особое место среди этих народов, имея точку зрения исходящую из нашего «национального духа», политических и религиозных институтов, и представителям Старого и Нового Света необходимо с этим считаться. И воссоединение с Крымом показало, что оценка данного события интерпретируется в разных контекстах, воспринимается на фоне нескольких «ментальных карт», и потому для разъяснения позиции Президент России логично сочетает в своей речи как геополитическую терминологию, так и образы из сакральной географии, которые понятны не только гражданам России, но и внешним силам, объявившим нам «священную войну». Так что «сакрализация Крыма» не только естественное завершение давней истории, связанной с христианством, но и необходимый геополитический прием.

---

⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы), глава 2. Евразийская шахматная доска.